

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 13-АПУ18-4СП

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

17 января 2019 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Ситникова Ю.В.,
судей Земскова Е.Ю. и Дубовика Н.П.

при секретаре Воронине М.А.

с участием прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Савинова Н.В., адвокатов Абубакарова А.А. и Ермолаевой Н.В.,

рассмотрела в открытом судебном заседании дело по апелляционным представлениям государственных обвинителей Петросяна И.С., Одинцовой Э.А. и жалобам потерпевшей Г [REDACTED] на приговор Тамбовского областного суда от 18 сентября 2018 года, постановленный с участием присяжных заседателей, по которому

ГОЛАЕВ САПАРБИЯ АМЫРОВИЧ, [REDACTED]

[REDACTED]
[REDACTED] несудимый,

оправдан:

по п. «в» ч. 3 ст. 163, ч. 1 ст. 222 УК РФ на основании п. 1 и п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с вынесением оправдательного вердикта ввиду не установления события преступления;

по п.п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 166 УК РФ на основании п. 2 и

п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с вынесением оправдательного вердикта ввиду непричастности к совершению преступления.

За Голаевым С.А. признано право на реабилитацию.

В удовлетворении исковых требования Г [] о компенсации морального вреда в размере 1 500 000 рублей и Н [] о компенсации морального вреда на сумму 1 500 000 рублей отказано.

Постановлено уголовное дело передать руководителю следственного управления СК РФ по Тамбовской области для производства предварительного следствия и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Судом разрешён вопрос о вещественных доказательствах.

Судом вынесено частное постановление в адрес руководителя СУ СК РФ по Тамбовской области в связи с нарушениями, допущенными следователем по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Тамбовской области М [] при производстве предварительного следствия по уголовному делу в отношении Голаева С.А., а также в связи с не реализацией руководителем следственного органа предоставленных ему полномочий по данному уголовному делу.

Заслушав доклад судьи Земскова Е.Ю., мнение прокурора Савинова Н.В., поддержавшего доводы апелляционных представления и жалобы потерпевшей Г [] просившего приговор суда отменить и дело направить на новое судебное разбирательство; выступления адвокатов Абубакарова А.А. и Ермолаевой Н.В., возражавших против удовлетворения апелляционных представления и жалобы, Судебная коллегия

у с т а н о в и л а :

органами предварительного расследования Голаев С.А. обвинялся в совершении:

вымогательства денежных средств в крупном размере в сумме 900 000 рублей в период с 14 апреля 2016 года по 14 мая 2016 года у потерпевших Г [] и Н [] под угрозой применения насилия и уничтожения имущества, с причинением тяжкого вреда здоровью, группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия;

умышленного убийства Г [] [] и Н [] 14 мая 2016 года примерно в 23 часа, сопряженного с вымогательством, группой лиц по предварительному сговору, путем производства из имеющегося у него

огнестрельного оружия выстрела в голову Н [REDACTED] и трех выстрелов в голову и тело Г [REDACTED], причинив потерпевшим, в том числе огнестрельные пулевые сквозные ранения головы с разрушением вещества головного мозга и повреждением костей черепа, квалифицированные как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, повлекшие их смерть на месте происшествия;

незаконном приобретении, хранении, перевозке и ношении огнестрельного оружия калибра 9 мм и не менее 4 боеприпасов к нему, пригодных для стрельбы;

угоне 14 мая 2016 года автомобиля марки «Toyota Land Cruiser Prado», принадлежащего потерпевшему Г [REDACTED]

Действия Голаева С.А. органами предварительного следствия квалифицированы по п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ; п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ и ч. 1 ст. 166 УК РФ.

На основании оправдательного вердикта присяжных заседателей в отношении Голаева С.А. судом постановлен оправдательный приговор.

В апелляционном представлении и дополнении к нему государственными обвинителями ставится вопрос об отмене приговора, передаче дела на новое судебное разбирательство со стадии формирования коллегии присяжных заседателей. В обоснование доводов апелляционного представления указано:

оправдательный вердикт в отношении Голаева С.А. вынесен незаконным составом коллегии присяжных заседателей, поскольку присяжные заседатели № 8 и № 13, вошедшие в основной состав коллегии, скрыли сведения о привлечении их близких родственников к уголовной ответственности (стр. 12-15 протокола судебного заседания);

председательствующий необоснованно отвёл вопрос государственного обвинителя при формировании коллегии присяжных заседателей, связанный с выяснением у кандидатов сведений о неоднократном привлечении их к административной ответственности, что могло свидетельствовать о наличии у таких лиц негативного отношения к работе правоохранительных органов и повлечь необъективность при вынесении ими вердикта (стр. 15 протокола судебного заседания);

стороны были лишены возможности ознакомиться с результатами немотивированных отводов противоположной стороны прежде чем заявить свои дополнительные немотивированные отводы (стр. 24 протокола судебного заседания);

председательствующий незаконно оказывал воздействие на коллегию присяжных заседателей, обратившись к ним с просьбой не принимать во внимание высказывание государственного обвинителя во вступительном слове о том, что «жестoko лишали жизни других людей», указав, что такой квалифицирующий признак подсудимому не был вменён. Данная фраза была оценена председательствующим в отрыве от контекста, речь не шла о квалификации деяния. Данное обстоятельство сформировало негативное отношение к государственному обвинителю со стороны коллегии присяжных заседателей;

в нарушение ч. 7, 8 ст. 335 УПК РФ сторона защиты неоднократно в присутствии присяжных заседателей сообщала данные о личности потерпевших, представляя их с негативной стороны (стр. 618 протокола судебного заседания), существенно искажала содержание исследованных доказательств с целью формирования у них ложного восприятия событий происшествия, в том числе детализации телефонных соединений потерпевших, ссылаясь на их отсутствие на месте преступления 14 апреля 2016 года, в то время, как из представленных детализаций следует, что абонентским номером, зарегистрированным на Н [REDACTED], пользовалось иное лицо в период с 12 февраля 2016 года по 19 января 2017 года, телефонные соединения с абонентского номера, зарегистрированного на Г [REDACTED] [REDACTED], фиксировались одной и той же базовой станцией, расположенной в РП Токаревка, а также искажались показания свидетелей Л [REDACTED] (стр. 534, 789, 831 протокола судебного заседания), С [REDACTED] (стр. 511, 758-761, 816 протокола судебного заседания), К [REDACTED] (стр. 763 протокола судебного заседания), оглашенные показания допрошенного в качестве подозреваемого Голаева С.А.; указывала на некомпетентность органов предварительного следствия и длительное более двух лет содержание Голаева С.А. под стражей; в ходе допроса свидетеля П [REDACTED] защитники задавали некорректные вопросы, 26 из которых были отведены (стр. 462-471), многократно задавались вопросы, касающиеся установления подлинных данных о личности засекреченных свидетелей, высказывалось мнение о том, что такие свидетели имеют связь с правоохранительными органами, формируя у коллегии присяжных заседателей мнение о незаконности сокрытия данных о свидетелях и сомнения в объективности их показаний (стр. 475-476, 765-768, 782 протокола судебного заседания); председательствующий в прениях сторон 26 раз останавливал защитников, делая им обоснованные замечания;

защитники неоднократно вступали в пререкания с председательствующим, заявляя о возражениях на его действия и в категоричной форме сообщая присяжным заседателям о том, что им «запрещают в ходе выступления в прениях демонстрировать и ссылаться на

доказательства, обосновывающие позицию защиты» (стр. 753 протокола судебного заседания);

защитники указывали, что единственным правильным решением по делу будет оправдание Голаева С.А., поскольку доказательств его причастности к преступлениям не представлено (стр. 750 протокола судебного заседания), на что председательствующий никак не отреагировал, также как и в тех случаях, когда сторона защиты в прениях существенно искажила показания допрошенных по делу лиц и сообщила, что стороной обвинения представлено лишь три доказательства – генетический след Голаева С.А. на рулевом колесе, данные полученные с устройства «АвтоФон Маяк SE+» и показания пятерых скрытых свидетелей, а также о том, что государственным обвинителем допущено существенно нарушение закона (стр. 750, 831 протокола судебного заседания);

Допущенные нарушения, по мнению авторов представления, привели к вынесению незаконного вердикта и постановлению на основании него неправосудного приговора.

В апелляционной жалобе потерпевшая Г [] просит об отмене приговора суда и направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

В обоснование доводов жалобы указывает, что вердикт коллегии присяжных заседателей является противоречивым, поскольку отвечая на вопрос № 1, присяжные заседатели посчитали доказанным факт убийства, «за исключением 14 апреля 2016 и 17 апреля 2016 предъявлений требований о передаче 900 000 рублей под угрозой применения насилия, с демонстрацией огнестрельного оружия, а также дата, времени и места убийства», то есть в своем ответе присяжные заседатели не высказались относительно вымогательства, имевшего место в день убийства непосредственно перед лишением жизни потерпевших. Учитывая данное обстоятельство, полагает, что объективность последующих ответов на вопросы вызывает сомнения.

Также потерпевшей Г [] подана апелляционная жалоба на частное постановление судьи Тамбовского областного суда от 18 сентября 2018 года, вынесенное в адрес руководителя СУ СК РФ по Тамбовской области в связи с нарушениями, допущенными следователем по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Тамбовской области М [] [] при производстве предварительного следствия по уголовному делу в отношении Голаева С.А., а также в связи с не реализацией руководителем следственного органа предоставленных ему полномочий по данному уголовному делу.

В апелляционной жалобе потерпевшая Г [] просит об отмене частного постановления. В обоснование доводов жалобы указывает, что ряд доказательств, признанных судом недопустимыми ввиду допущенных нарушений при проведении следственных действий, в частности при опознании Голаева, Я [] И [] допроса свидетеля Ц [] были собраны и приобщены в материалы уголовного дела не следователем М [] а иным лицом, в чьем производстве находилось в тот период дело;

следователь был вправе приобщить к протоколам допросов свидетелей ряд документов по их ходатайствам, поскольку впоследствии в ходе выемки к материалам уголовного дела были приобщены оригиналы этих документов, признанные вещественными доказательствами в установленном уголовно-процессуальным законом порядке;

выявление следователем ошибок, допущенных экспертами при проведении генетических экспертиз, без специальных познаний не представляется возможным;

действия следователя по уничтожению образцов для сравнительного исследования после получения всех экспертных заключений соответствовали положениям ст. 82 УПК РФ;

выводы суда об отсутствии доказательств, подтверждающих существенные доходы потерпевших, опровергаются показаниями потерпевших Н [], Г [] [] свидетелей Л [] [] К [] П [] П [] К [] наличием у потерпевших в собственности дорогостоящих автомобилей, а также характером осуществляемой ими деятельности, связанной с распределением финансовых средств в рамках строительства Токаревской птицефабрики;

вопреки доводам суда в частном постановлении, в обвинительном заключении отсутствует ссылка на то, что автомобиль марки «Хендэ Солярис» был арендован для совершения преступления. В обвинительном заключении указано, что указанные лица арендовали этот автомобиль для передвижения в РП Токаревку Токаревского района Тамбовской области;

выводы суда о необоснованности предъявленного Голаеву С.А. обвинения в части подготовки ямы в форме могилы с целью устрашения потерпевших ввиду того, что следствием не установлено, что яма демонстрировалась потерпевшим, являются несостоятельными и опровергаются показаниями очевидцев, проверками их показаний на месте, GPS – трафиком прокатного автомобиля;

доводы суда о наличии сомнений в части правильности установления органами следствия времени и места убийства являются необоснованными, поскольку заключениями экспертов установлено, что смерть потерпевших наступила 14 мая 2016 года в период времени с 22 часов 00 минут до 23 часа 00 минут до погружения их тел в воду. Данное заключение полностью согласуется с протоколами осмотра места происшествия;

выводы суда о возможности использования при убийстве потерпевших гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия противоречат выводам экспертов, согласно которым пуля, извлеченная из бедра потерпевшего, выстрелена из огнестрельного оружия калибра 9 мм, а также показаниям свидетелей, которые схематично изображали пистолет, который они видели у Голаева С.А.;

утверждения суда о том, что после возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ следователь предъявил Голаеву С.А. обвинение в отсутствие каких-либо новых установленных обстоятельств, не свидетельствует о наличии нарушений в действиях следователя, поскольку восполнение неполноты произведенного предварительного следствия на данной стадии недопустимо;

суд незаконно высказал суждения об оценке доказательств по уголовному делу, которое было рассмотрено с участием коллегии присяжных заседателей.

В возражениях на апелляционное представление и жалобу защитники оправданного Голаева С.А. – адвокаты Ермолаева Н.В. и Абубакаров А.А. считают изложенные в них доводы необоснованными и просят приговор суда оставить без изменения.

Проверив материалы дела и обсудив доводы апелляционных представления и жалобы, возражений на них, Судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 1 ст. 389²⁵ УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов, а также, если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им

вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

В соответствии с положениями п. 2 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ основанием отмены приговора является вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей.

Из положений ч. 3 ст. 328 УПК РФ следует, что кандидаты в присяжные заседатели обязаны правдиво отвечать на задаваемые вопросы, а также представлять необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками процесса.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 22 ноября 2005 года «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», сокрытие кандидатами в присяжные заседатели, впоследствии включенными в состав коллегии, информации, которая могла повлиять на принятие решения по делу и лишила стороны права на мотивированный и немотивированный отвод, является основанием для отмены приговора.

Из материалов уголовного дела следует, что перечисленные выше требования уголовно-процессуального закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ соблюдены не были.

Из протокола судебного заседания следует, что при формировании коллегии присяжных заседателей кандидатам в присяжные заседатели задавались вопросы, направленные на установление обстоятельств, которые могли повлиять на принятие ими решения по делу, в том числе о привлечении их близких родственников к уголовной ответственности за последние пятнадцать лет (стр. 14 протокола судебного заседания). Эти сведения могли быть использованы для реализации каждой из сторон права на мотивированный и немотивированный отвод. При этом кандидатам в присяжные заседатели разъяснялась обязанность дать искренние ответы на вопросы для того, чтобы убедиться в их объективности, незаинтересованности и беспристрастности при рассмотрении данного дела (стр. 11 протокола судебного заседания), однако кандидат в присяжные заседатели К [REDACTED] (кандидат № 13), впоследствии вошедшая в основной состав коллегии и принимавшая участие в вынесении вердикта, данные разъяснения не выполнила и скрыла важные сведения о своём близком родственнике.

Так, кандидат в присяжные заседатели К [REDACTED], каких-либо сведений на данный вопрос государственного обвинителя о привлечении

близких родственников за период последних 15 лет к уголовной ответственности - не сообщила (стр. 15 протокола судебного заседания).

Между тем из приобщённых к представлению государственных обвинителей документов следует, что по приговору мирового судьи судебного участка № [] Октябрьского района г. Тамбова от 13 сентября 2016 года К [] (супруг присяжного заседателя К [] признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 200 000 рублей с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами сроком на два года.

Возражая на доводы апелляционного представления, сторона защиты ставит под сомнение осведомлённость присяжного заседателя К [] о наличии у её супруга – К [] судимости, ссылаясь на сведения, предоставленные Управлением ЗАГС о том, что брак между ними был расторгнут 20 февраля 2017 года. Однако из представленных стороной защиты документов, напротив, усматривается, что на дату вынесения приговора 13 сентября 2016 года К [] состояла в браке с К [] соответственно, обязана была довести до суда в связи с вопросом государственного обвинителя сведения о том, что её близкий родственник – супруг, брак с которым впоследствии был расторгнут, привлекался к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления.

Поскольку К [] скрыла важные сведения о привлечении её супруга к уголовной ответственности за совершение преступления, сторона обвинения обоснованно указывает в апелляционном представлении, что была лишена возможности в полной мере воспользоваться своим правом на отвод указанного кандидата в присяжные заседатели.

Следовательно, включение в состав коллегии присяжных заседателей кандидата, который скрыл имеющую значение информацию, ставит под сомнение законность и объективность суда, рассмотревшего дело.

Кроме того, согласно ч. 7 ст. 335 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями.

В соответствии с указанными положениями, сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей,

обсуждать вопросы, связанные с применением права, либо вопросы процессуального характера, в том числе, о недопустимости доказательств, о нарушении УПК РФ при получении доказательств, их истребовании, задавать наводящие вопросы, в какой-либо форме оценивать доказательства во время судебного следствия, выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных лиц, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу, ссылаться в обоснование своей позиции на не исследованные в присутствии присяжных заседателей доказательства, на недопустимые доказательства и иное.

Из протокола судебного заседания усматривается, что во время исследования допустимых доказательств, отдельные участники процесса неоднократно делали заявления юридического характера, подвергали сомнению соблюдение уголовно-правовой процедуры их получения, формируя, тем самым, негативное отношение присяжных заседателей к допустимым доказательствам. Вместе с тем, не во всех случаях председательствующий судья пресекал подобные нарушения и не всегда разъяснял присяжным заседателям необходимость оставления без внимания подобных высказываний.

Так, в ходе допроса свидетелей под псевдонимами «К [REDACTED]», «П [REDACTED]», «С [REDACTED]» стороной защиты в присутствии коллегии присяжных заседателей неоднократно были заданы вопросы, направленные на дискредитацию свидетелей, им ставились вопросы, призванные породить у присяжных заседателей сомнения в обоснованности засекречивания личности свидетелей и тем самым вызвать недоверие к их показаниям в связи с обстоятельствами процессуального характера, в связи с применением органом расследования мер безопасности в отношении свидетелей. Сторона защиты пыталась выяснить подлинные данные о личности свидетелей, просила сообщить, в чём состоит угроза их безопасности и чем это подтверждается (стр. 462-486, 509-515 протокола судебного заседания), несмотря на то, что ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лице, подлежащего допросу в соответствии с ч. 6 ст. 278 УПК РФ, было разрешено председательствующим ранее и оставлено без удовлетворения (стр. 473 протокола судебного заседания). Следовательно, в присутствии присяжных заседателей ставились вопросы по обстоятельствам, установление которых выходило за пределы их компетенции, предусмотренной ст. 334 УПК РФ.

Принимаемые председательствующим меры, направленные на снятие вопросов, которые не только не относились к выяснению обстоятельств рассматриваемого дела, но и по своей сути порочили исследованные в судебном заседании доказательства, являлись недейственными и не ограждали присяжных заседателей от незаконного воздействия, поскольку сторона защиты в любом случае доводила до сведения присяжных желаемую

информацию, способствующую сформировать у присяжных заседателей мнение о том, что подлинные данные о личности свидетелей скрыты от них незаконно, что могло вызвать сомнения в объективности сообщённых ими сведений.

В прениях сторона защиты вновь доводила до сведения присяжных заседателей свою позицию относительно незаконности сокрытия данных о свидетелях, указывая также на наличие взаимосвязи между этими свидетелями и сотрудниками правоохранительных органов, то есть ставя под сомнение допустимость этих доказательств: «показания скрытых свидетелей напоминают мне отредактированный документ, где не читается содержимое, в части имен, фамилий, отчества, адреса и т.д. Редактирование - это самосохранение или помощь, так называемым свидетелям, в стремлении выполнить то, что стало бы невозможным при условии отсутствии ширмы, за которую помогли им спрятаться. Мы их не видели. Если человек говорит правду, то ему незачем прятаться от кого-либо», «при любом неудобном вопросе они отвечали - я не могу ответить на данный вопрос исходя из соображений безопасности. Если бы эти лица были действительно очевидцами или обладали такими сведениями, о которых они сообщают, то их процессуальный статус должен быть как минимум подсудимыми», «из данного ответа свидетеля видно, что у свидетеля есть конкретная задача» (стр. 774-765), при этом, как видно из протокола судебного заседания, цитируя показания допрошенных по делу свидетелей, защитники частично их искажали в части сообщённых свидетелями фактов (свидетеля С [REDACTED] Л [REDACTED], К [REDACTED] А [REDACTED] К [REDACTED]), а также приводили в качестве доказательств сведения, которые не исследовались с участием коллегии присяжных заседателей, не сообщались кем-либо из допрошенных лиц: «характер ран, установленных в ходе осмотра трупов, позволяет нам говорить о том, что в этом доме не только на одном или двух кафелях, но и по всему полу должно было быть значительное количество следов крови. Вместо того, чтобы сохранить следы преступления и ничего не трогать, [REDACTED] К [REDACTED] занимается уборкой в доме. Для чего ему потребовалась эта уборка, ведь он в гостях находится, и не живет с Г [REDACTED] и Н [REDACTED] Все это довольно странно» (стр. 778 протокола судебного заседания).

Кроме того, адвокаты Голаева С.А. перед коллегией присяжных заседателей заявляли об ограничении его права на защиту, в категоричной форме сообщая о том, что «им запрещают в ходе выступления в прениях демонстрировать и ссылаться на доказательства, обосновывающие позицию защиты» (стр. 753 протокола судебного заседания); указывали на неполноту и обвинительный уклон предварительного следствия: «эти фотографии она передавала следователю. Но в деле их не было и поэтому нам пришлось их получить от Г [REDACTED] в судебном заседании. На мой взгляд, данные фотографии органом следствия не были приобщены к материалам дела,

поскольку ими опровергалась версия о полученной Голаевым С.А. в феврале 2016 информации о доходах Г [] и Н []» (стр. 752 протокола судебного заседания); заявили о том, что в напутственном слове искажены показания свидетелей, в то время как приведённые председательствующим показания свидетелей полностью соответствуют протоколу судебного заседания (стр. 831 протокола судебного заседания); а также сообщили коллегии присяжных заседателей о существенном нарушении закона со стороны государственного обвинителя и обвинительном уклоне суда: «в ходе выступления в прениях со стороны государственного обвинителя было допущено, на мой взгляд, грубое нарушение в показаниях Голаева С.А., не разъяснили положения ст. 217 УПК РФ. Указанные мною нарушения, в соответствии с ч. 6 ст. 340 УПК РФ, относятся к нарушениям с Вашей стороны принципа объективности и беспристрастности» (стр. 831 протокола судебного заседания), на что председательствующим не было сделано надлежащих разъяснений.

В совокупности все перечисленные выше нарушения, как об этом обоснованно утверждается в апелляционном представлении, могли оказать незаконное воздействие на присяжных заседателей и, как следствие, на их ответы на поставленные вопросы.

При таких данных Судебная коллегия считает необходимым постановленный в отношении Голаева С.А. оправдательный приговор отменить и уголовное дело передать на новое судебное рассмотрение, в ходе которого надлежит устранить все отмеченные выше нарушения и создать надлежащие условия для вынесения судом с участием присяжных заседателей беспристрастного и справедливого решения.

В связи с отменой приговора Судебная коллегия принимает решение и об отмене частного постановления, вынесенного в адрес руководителя СУ СК РФ по Тамбовской области.

Как видно из материалов настоящего уголовного дела, по ходатайству Голаева С.А. оно было рассмотрено судом с участием коллегии присяжных заседателей.

Судопроизводство присяжных заседателей предполагает такое разграничение функций между председательствующим судьей и коллегией присяжных, при котором разрешение вопросов факта (о доказанности события преступления, совершения деяния подсудимым; о виновности подсудимого) относится исключительно к коллегии присяжных заседателей.

Однако из содержания частного постановления от 18 сентября 2018 года следует, что при его вынесении председательствующий вошел в обсуждение вопросов факта, не относящихся к его компетенции, в

нарушение уголовно-процессуального закона изложил в частном постановлении выводы относительно обоснованности и доказанности предъявленного Голаеву С.А. обвинения. Помимо допущенных следователем нарушений, которые повлекли за собой признание ряда доказательств по делу недопустимыми, председательствующий указал в частном постановлении, что в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства, подтверждающие установленные следствием место и время убийства, наличие существенных доходов у потерпевших, оценил как абсурдное предъявленное обвинение, а не обнаружение оружия преступления счёл обстоятельством, препятствующим предъявлению Голаеву С.А. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. Нельзя также признать правомерной оценку позиции следователя, который, как посчитал председательствующий, на основе собранных доказательств сам не был убеждён в правильном установлении лица, совершившего убийство.

Рассматривая особенности производства по уголовному делу с участием присяжных заседателей в определении от 25 января 2005 года № 68-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С [REDACTED] на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 236 и статьей 351 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации указал, что председательствующий судья при постановлении приговора ссылается лишь на обстоятельства, признанные присяжными заседателями установленными, но не должен обосновывать принятое ими решение приведением собственных аргументов.

Вместе с тем, постановив оправдательный приговор, в частном постановлении судья указал, что присяжные заседатели по делу были вынуждены анализировать и оценивать экспертные заключения, которые имели противоречия в них самих и противоречили друг другу, что порождало обоснованные сомнения в достоверности данных доказательств у коллегии присяжных заседателей, которые ими толковались в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Таким образом, в частном постановлении судья в нарушение уголовно-процессуального закона и разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации фактически привёл аргументы в обоснование вынесенного коллегией присяжных заседателей вердикта и сделал выводы, основанные на предположениях, поскольку он не присутствовал в совещательной комнате при постановлении вердикта и не может знать, как происходило обсуждение и принятие решения.

При таких обстоятельствах вынесенное судом частное постановление в адрес руководителя СУ СК РФ по Тамбовской области нельзя признать законным, в связи с чем оно подлежит отмене.

Руководствуясь ст. 389²⁰, 389²⁵, 389²⁷, 389²⁸, 389³³ УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

приговор Тамбовского областного суда с участием присяжных заседателей от 18 сентября 2018 года в отношении Голаева Сапарбии Амыровича отменить, уголовное дело направить на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд иным составом.

Частное постановление Тамбовского областного суда от 18 сентября 2018 года отменить.

Председательствующий:

Судьи: